

часть социума, занимались торговлей и мореплаванием. Подобное распределение ролей, вероятно, устраивало общество в целом, поэтому в обществе сознательно культивировалась инфантильность мужчин. Средства сдерживания стабилизации взяли на себя женщины как наиболее консервативная часть общества, которая пользовалась авторитетом и смогла выдвинуться на первый план общественной жизни. Вовлечение Крита в систему торговых контактов Восточного Средиземноморья на рубеже III-II тыс. до н. э. явилось катализатором социального и культурного развития, прогресса минойского мореплавания и изменений в экономике в целом, что повлекло за собой повышение социального статуса мужчины.

Примечания:

1. Андреев Ю.В. Минойский матриархат. // Вестник древней истории, 1992, № 2. - С. 3
2. Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. М., 1958, - С. 175.

Э.В. Левченко

Современные контуры теории девиантного поведения

Интерпретационная палитра современных девиантологических концепций многообразна и по определенным научно-теоретическим позициям до сих пор не согласована. В то же время в осмыслении причинно-следственных зависимостей отклоняющегося поведения выделяются три подхода: криминологический, социально-психологический и социологический (с многочисленными теориями объяснения причин социальных девиаций). Существование данных подходов обусловлено поливариантностью человеческой деятельности, многообразием ее детерминирующих факторов. Раскрытие феномена девиантного поведения имеет определенную специфичность, которую мы попытаемся концептуально охарактеризовать.

Изучение социальных девиаций на основе криминологической методологии характеризуется достаточной, на наш взгляд, четкостью научно-теоретических трактовок. Негативное социальное поведение¹ предстает как поведение, нарушающее нормы права (уголовного, гражданского, административного). При этом необходимо подчеркнуть, что задача любой науки, в том числе и правовой – обозначить признаки, по наличию (отсутствию) которых то или иное действие может адекватно квалифицироваться. В этом отношении для различения применяемых санкций и установления наказания учитываются, как правило, два основных критерия: противоправность и общественная опасность.

Согласно юридической методологии характеристика отклоняющегося поведения осуществляется на основании трех основных критериев (субъект, объект, объективная – субъективная сторона).

Придерживаясь этой типологии, В.М. Кудрявцев по критерию субъекта выделяет отклоняющееся от норм поведение отдельных индивидов: граждан, должностных лиц, а также деятельность коллективов, других социальных групп. По объекту отклоняющееся поведение может быть отнесено к различным сферам общественной жизни (экономика, политика). Оно может быть интерпретировано и с точки зрения его направленности, определяющей активность конкретных поступков личности (против отдельных индивидов, социальных групп, институтов, против общества). В качестве объекта выявляются конкретные социальные ценности: жизнь, здоровье, честь и достоинство человека².

Объективная сторона, в генезисе человеческой девиации, диктует необходимость выделения негативных проявлений, возникших в результате действия и бездействия, способных вызывать вредные последствия или создать опасность их наступления. Субъективная сторона отклонений характеризуется мотивацией, степенью умышленности и предвидения возможных последствий. На этом уровне следует отличать уголовно-правовое понимание негативного социального поведения от криминологического. Экстраполируя определенные методы социологии преступности, криминология, наряду с другими специальностями, изучающими отклоняющееся поведение (суицидология, деликтология, виолентология), исследует анализируемое понятие не для определения оснований ответственности, а для раскрытия причин возникновения отдельных форм негативного поведения с целью их предупреждения.

Сущность девиантного поведения с точки зрения социологического подхода выражается в определенном несоответствии поведения человека или группы социальным нормам (официальным или реально действующим). Так, например, Я.И. Гилинский, с именем которого связаны значительные теоретические и методологические разработки в области отечественной социологии преступности, определяет девиантное поведение, во-первых, как «поступок, действия человека, не соответствующие официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам (стереотипам, образцам); во-вторых, как социальное явление, выражающееся в относительно массовых и устойчивых формах человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе нормам и ожиданиям»³.

В.Н. Кудрявцев анализирует отклоняющееся поведение как «ненормальное поведение» с точки зрения нормативно-значимого фактора⁴. Однако такая точка зрения имплицитно содержит вопрос о критериях. Отметим, что проблема расхождения между нормами и действительностью не так проста, как это может показаться на первый взгляд. К примеру, предварительный анализ понятия «норма»⁵ выявил следующие его значения:

- в повседневной жизни под нормой понимается нечто распространенное, типичное или среднестатистическое значение каких-либо величин;

- в технике норма – это мера соответствия изделия сознательно установленным стандартам;
- в биологии нормальной являются внутренние и внешние пределы и проявления биосистемы, отвечающие ее выживанию и развитию. Здесь норма – это мера адаптивности любых проявлений системы.

Первое определение нормы (обыденное ее понимание) по сути стирает различия между диаметрально противоположными понятиями «норма» и «патология». Следующие определения могут быть обобщены в одном: норма – это мера должного, сознательно установленного или предопределенного природой. Однако, являясь продуктивным для оценки биологической нормы, такое ее понимание становится в высшей мере неопределенным для объяснения нормы психологической, поскольку в сфере человеческой психики основные критерии приспособляемости, принятые в биологии, перестают работать. Более того, как отмечает Б.С. Братусь, в области человеческой психики эти критерии приобретают прямо противоположный смысл: способность легко приспосабливаться к новым условиям есть признак «не-нормы», признак моральной и эмоциональной неразвитости, отсутствия системы ценностей⁶.

В общественных науках социальная норма рассматривается как мера должного поведения. Так, Я.И. Гилинский приводит следующее ее определение: «Социальная норма – исторически сложившийся в конкретном обществе предел, мера, интервал допустимого (дозволенного или обязательного) поведения, деятельности людей, социальных групп, организаций»⁷. В социологии вариационный спектр социальных девиаций включает наряду с негативной позитивную и нейтральную направленность их проявлений. Соответственно не всякое отклонение от норм (аномалия) выступает как социальная патология, наносящая вред обществу и самой личности.

Как видно из вышеприведенных определений, анализируемые в них характеристики отклоняющегося поведения примерно одинаковы, основным критерием отклоняющегося поведения выступают социальные нормы. Согласно внутренней логике теоретических трактовок, типология социального поведения может быть представлена следующим образом:

Проблеме девиантного поведения уделяется много внимания в материалах исследований зарубежных авторов. Например, А. Козн рассматривает под отклонением «любое поведение, нарушающее общепринятые нормы и правила»⁸. Под это определение можно подвести как криминальное, так и психопатологическое поведение, тогда как их идентификация, на наш взгляд, неправомерна). Матта Лайне отмечает зависимость отклоненного поведения от договоренности между людьми⁹. Некоторые ученые, достаточно влиятельные и авторитетные на Западе, склонны анализировать феномен девиантного поведения как результат социально-психологических проявлений. Тем самым игнорируются детерминанты макроуровня. Так, Н. Дж. Смелзер рассматривает девиацию как «отклонение от групповой нормы, которое влечет за собой изоляцию, лечение, тюремное заключение или другое наказание нарушителя»¹⁰. Ученый выделяет три компонента девиации: человек, которому свойственно определенное поведение; ожидание или норма, выступающая критерием оценки девиантного поведения; некий другой человек, группа, организация, реагирующая на поведение.

Групповая норма как основной признак отклоняющегося поведения выделена и у другого американского социолога Т. Селлина. Он предлагает вести разговор о поведении нормальном и ненормальном¹¹, при-

чем, как подчеркивает Селлин, нормы поведения задаются социальными группами.

Следуя подобной логике, поведение любого члена социальной группы, противоречащее групповым нормам, можно признать отклоняющимся. Соответственно под это определение можно подвести поведение любого человека, проявляющего неадекватные реакции на требования группы. В результате как бы стирается грань между «истинно ценным», «псевдоценным» и реальным поведением личности.

Есть еще одно обстоятельство, заставляющее дать подробный комментарий, – синонимизация понятий «девиация», «девиантность», «девиантное поведение». К примеру, Большой толковый социологический словарь предлагает следующее определение: «Девиация – социальное поведение, отклоняющееся от считающегося «нормальным» или социально приемлемым в обществе либо в социальном контексте»¹². Между тем в содержании этих понятий отражен разный уровень осмысления социальной реальности. Так, если «социальная девиация» вмещает философско-методологический аспект, то «девиантное поведение» отражает реальные формы социального поведения в диапазоне «одобрения – порицания». Понятие «девиантность» содержит личностную характеристику конкретного девиантного поступка, отражая тем самым сущность отклоняющегося поведения.

Обобщая изложенное, отметим, что в большинстве своем рассмотренные определения характеризуют девиантное поведение на основании его *формальных признаков*, поэтому ключевой задачей дальнейшего анализа мы считаем вычленение сущностно значимых «атрибутов» социальных девиаций в дополнение к традиционно выделяемым признакам. Необходимость такого поиска подтверждается и общей тенденцией реформирования современных социогуманитарных наук, направленной на осознание роли и значения человека как активного социального субъекта¹³. В связи с этим нам близка характеристика социологии П.А. Сорокина, определившего в качестве предмета ее изучения «жизнь и деятельность людей, живущих в обществе себе подобных, и результаты такой совместной деятельности»¹⁴.

С точки зрения социологии духовной жизни как специальной области социологического знания сущность социальных отклонений раскрывается через их объективированность в конкретных действиях. В качестве первичного звена анализа выступают индивидуальное сознание (групповое, общественное) и деятельность, представляющие собой, с одной стороны, предметное воплощение установок, знаний, ценностных ориентиров; с другой – условий, в которых они развиваются и функционируют. Следовательно, кроме обозначенных подходов необходимо, особенно в контексте комплексного изучения проблем социальных девиаций, ввести еще один аспект – аксиологический. Во многих представленных выше концепциях ценностный аспект, если и подразумевается, то выполняет вспомогательную функцию причинного

посредника или низводится до уровня пассивного эффекта объективных факторов, что не совсем правомерно.

Возможность выделения аксиологического подхода в системе социальных девиаций, на наш взгляд, продиктована рядом следующих обстоятельств:

- ценности являются специфической формой выражения центральных противоречий человеческого бытия. Главная задача аксиологии (теории ценностей) показать ценность в бытийном существовании и ее отношение к фактам реальности;
- ценностно-нормативный контекст обуславливает любую деятельность человека;
- ценностям принадлежит решающая роль в формировании социальной направленности личности.

Проблема ценностей, ценностных ориентаций особенно актуальна теперь, когда происходят глубинные изменения социально-психологической структуры личности, что настоятельно требует уточнения, а то и переосмысления устоявшейся теории девиантного поведения. Различные виды социальных девиаций вызывают не только нарушение норм права и морали, но и деформацию ценностных ориентаций личности. В этой связи особое значение приобретает научно-теоретическое изучение личностного уровня социальных взаимодействий, критерием которого выступает направленность аксиологических проявлений отдельной личности.

Примечания

1. С точки зрения права нет и не может быть позитивного отклонения. Всякое отклонение от норм права является негативным для общества. С позиций разрабатываемой нами аксиологической концепции отклоняющегося поведения очень важен параметр доктринальности (в субъективном смысле, для личности) ценностных принципов, на основе которых строится и регулируется любое, в том числе и криминогенное поведение.
2. Социальные отклонения. Введение в общую теорию. – М.: Юридическая литература, 1984. – С. 109-113.
3. Гишинский Я.И., Афанасьев В.С. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения: Уч. пособие. – СПб., 1993. – С. 7.
4. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. – М., 1982. – С. 10.
5. См.: Шибутани Т. Социальная психология. – М., 1969; Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляции поведения. – М., 1978; Рабочая книга социолога. – М., 1978; Поросенков С.В. Социальные нормы как форма отражения действительности // Философские науки. – 1981. – № 5; Плахов А.Д. Социальные нормы. Философские обоснования общей теории. – М., 1985; Кудрявцев В.Н. Социальные деформации: механизмы и пути преодоления. – М., 1992; Клейберг Ю.А. Социальные нормы и отклонения. – М.: Вита-Пресс, 1997.; Шипунова Т.В. Система понятий социологии девиантного поведения: опыт концептуального синтеза. – Автореф. ... соиск. канд. социол. наук. – СПб., 1997.
6. Братусь Б.С. Аномалии личности. – М.: Мысль, 1988. – С. 18-20.

7. Гишинский Я.И. Социология девиантного поведения как специальная социологическая теория // Социс. – 1991. - №4. – С. 30-38.
8. Козн А. Отклоняющееся поведение и контроль над ним // Американская социология. – М.: Прогресс. 1972. – С. 289.
9. Лайне М. Криминология и социология отклоненного поведения. – Хельсинки, 1994.
10. Смелзер Н. Дж. Социология. – М.: Феникс, 1994.
11. Селлин Т. Социологический подход к изучению причин преступности // Социология преступности. – М.: Прогресс, 1966. – С. 27-32.
12. Большой толковый социологический словарь (Collins) – В 2 т. – Т. 1. – М.: Вече, АСТ, 1999. – С. 161.
13. Тоценко Ж.Т. Социология: пути научной реформации // Социс. – 1999. - № 7. – С. 3-15.
14. Сорокин П.А. Общеизвестный учебник социологии. Статьи разных лет. – М.: Наука, 1994. – С. 8.

В.С. Кулабухов, В.А. Шаповалов

Традиционализм и сословная психология дворянства в контексте исторического развития России пореформенного периода

Одним из важнейших компонентов социальной структуры российского общества пореформенного периода было дворянство, игравшее ведущую роль в политической, экономической, культурной и общественной жизни, составлявшее опору самодержавного строя.

Социально-политические отношения, опосредованные определенной идеологией, обеспечивают связь социальной и политической системы, гражданского общества и государства. Иными словами, они определяют социальную направленность политической системы, регулируют отношения различных социальных слоев и организаций с институтом государства таким образом, что наиболее авторитетные из них становятся политически влиятельной, правящей силой. Эта система взаимоотношений закреплена рамками официальной идеологии. Так из общих и индивидуальных интересов складывается система политического приоритета правящих кругов¹. Любая политическая власть стремится создать и упрочить поддержку со стороны большинства народа, поскольку ей становится все труднее обходиться без нее. С одной стороны, поиск поддержки массовой базы выступает исходной точкой, основной политической деятельностью, падение этой поддержки является фактором подрыва политической власти, ослабления ее влияния на общественные процессы. С другой стороны, социально-психологические процессы, происходящие во всех областях социальной деятельности и духовной жизни общества, на всех ее уровнях, составляют одну из сторон исторического развития, обладают относительной самостоятельностью и оказывают воздействие как на социально-экономические, так и на политические отношения.